

ТО, ЧЕГО

ПЬЕСА А. Галича «Август» — Расказ для театра в двух частях», как извещают афиши Ленинградского театра имени В. Ф. Комиссаржевской, — «выдается» над всеми пьесами и всеми рассказами о поре любви, поре цветения. Она ведет героев в область запретного с тем, чтобы обратить к дозволенной добродетели. Она шекочет зрителя, любознательного насчет «клубнички», чтобы предложить ему просто и сердечно стакан холодной воды с сиропом, необязательно даже клубничным, а так вообще плодогодным.

Слово, это веселенькая песенка о нравственности.

В САМОМ ДЕЛЕ, ну что такого, если две девицы, заисчислявая красотка и красотка отыгивая, беззаботно флаируют на панели у московской гостиницы «Метрополь»? И что из того, если они знакомятся с двумя мужчинами? И что, спокойно едут покушать в отдельный кабинет ресторана «Арагви»? А там, глядь, воркуя и шибеча, отправляются коротать ночь к новым приятелям? Все получается так мило и непринужденно, с автомобилем и звездами, с ковьяком и лирическими стихами...

Но, с другой стороны, кто первый бросит камень в меланхоличного журналиста Глебова, обремененного славою, свободным временем и семьей, преобладающей на даче? Ему все это ну ни капельки не интересно. Просто он очень уступчивый. Как деликатно соглашается он, чтобы девицы звали его для краткости Володей! Как же иначе, он и есть Володя. Нет, ему совсем не до девочек. Но кушать-то все равно надо. Почему бы и не покушать в «Арагви»? Да еще за счет девочек. Вот они обе, в пластиковых плащах и с сумочками на длинных зеленых португелях через плечо, одинаково шикарным жестом вынимают одинаково сложные стурубленки. Не каждый день незнакомые девочки угощают вполне пожилых мальчиков дорогим юбилейным коньяком. Можно понять Володю: как такими девочкам не заинтересоваться поглубже! Как не предложить им гостеприимство до рассвета!

Ах, как кстати трясет Володю малярный припадок. Страшно вообразить, что стало бы с пьесой, когда бы не это. Так долго противился Володя грехопадению, так туго натягивался короткий поводок сюжета, а тут — на тебе, повесть о белых влюбленных могла оборваться безвременной разлукой. Но теперь девочки просто должны поехать исцелять Володю. И девочки едут, исцеляют, утешают.

Есть еще в спектакле Коля Пинегин, о нем никак нельзя забывать. Помытый и облезлый внешне, этот фоторепортер хранит в душе пламень юношеской предприимчивости. Он командует парадом. «Эскавир Пинегин и сопровождающие его лица направляются...» — объявляет Коля, и лица действительно направляются. Он, лукавый змей-искуситель, поучает Володю Глебова: «Все мы, старик, немножечко Евы. Надо только знать, для кого какое яблоко выбрать: кому — шафран, а ко-

му — белый налив». И друзья выбирают яблоки по вкусу. Коля — отзывчивую Любочку, полгода назад бросившую подлеца-мужа. Володя издается перед заносчивой Наташей: «Ваши глаза, как море...»

Все обошлось бы в пьесе и спектакле предельным манером. Но умилительное течение событий за час до рассвета прерывается: обнаруживается коварный умысел девиц. Они отожествляются. Они ни при чем. У них и в мыслях «такого» не было. Превыше всего для них устои, мораль и всяческое благообразие. Просто-напросто они прощаются с Москвой, окончив медицинский институт.

С пожеланиями мальчиками знакомилась? Нет, прощались. В ресторане кутили? Опять же нет: прощались. К чужому мужчине почитать отправились? Все не то: прощались...

Какой возвышенный способ расставания с Москвой!

И как посрамлены мы, сидящие в зале, вообразившие «не то» о нашей современнице. Она положительная и просто неспособна быть никакой другой.

Зрелая двадцатипятилетняя девица, кровь с молоком, ночует в квартире постороннего мужчины исключительно для того, чтобы укрепить в нем нравственные правила!

А мужчина привозит и себе девицу именно с тем, чтобы внять ей и тем самым облагородиться!

Она наставляет, а он внимает. Потом наставляет он, а внимает она. Добродетель торжествует, а пороки... Батюшки, а куда пороки-то девался? Порок в образе эскавира Пинегина прикорнул в кресле с бутылкой коньяку. Порок спит наглядно, воочию, без всяких там метафор. Он примерно наказы: отыгивая Любочка раскрывала ему лицо намакиюреными пальчиками. А потом он с позором изгоняется.

ПОД ЗАНАВЕС пьеса насчет «клубнички» становится пьесой с нравоучительными сентенциями и засахаренными героями. Она как будто и в самом деле поровнит доказать, будто уличные знакомства завязываются с воспитательной целью, а кутежи — возвышают. Кто это полагал, будто ночь дана для любовных утех? Безнадёжно устарело! Ночью положительные герои убеждаются в своей положительности...

Тоскливое ханжество в этой морали. Унылая, кричащаясь пошлость в похождениях «эскавира» и сопровождающих его лиц. Плоское застольное хохмичество в претензиях на юмор.

Но пьеса стала фактом театральной жизни. Ее играют на сцене. Ее отечески пожурили ленинградские рецензенты, деловито разобрав все плюсы и минусы.

Горестный он, этот факт. Режиссер И. Ольшвангер не придумал ничего лучшего, как ставить пустую пьеску с парадностью «Бояника». Проблемы, не стоящие вмененного яйца, подаются самым многозначительным образом. Всерьез обсуждается, например, вопрос о Володе вчерашнем и сегодняшнем: когда-то он был героем, сегодня

ФЕЛЬ
ВМЕСТО

произведения, обострение юмористов в этих жарках отстают. И только сейчас можно говорить о прогрессе.

В последние два сезона отношение музыкальных театров к национальной опере резко изменилось. Если раньше она была случайным гостем даже на сцене Софийской народной оперы, то теперь заняла там прочное место. Пример столицных театров подхватив коллективами других городов. Создание национального репертуара — первоочередная задача болгарского музыкального театра.

Все новые музыкально-сценические произведения, кроме оперетты «Время любить» Д. Вилчева, написаны на историческую, бытовую или фантастическую тематику. В исторических операх «Ивайло» М. Големнизова и «Пансий Хилендарский» Н. Герова действие строится либо вокруг конфликта между народом и царской властью («Ивайло»), либо между пробуждающимися после почти пятивекового турецкого рабства народом и его угнетателями. Здесь нельзя не отметить благотворного влияния русской классической музыкальной драмы. В комических операх «Было время» и «Сорви голову» П. Хаджнева, «Хитрый Петр» В. Стоянова, в оперетте А. Карастоянова «Болгары старого времени» и балете «Кырджалин» Йв. Димова сюжет взят из времен турецкого ига. На сказочно-фантастическую тему написан балет «Змей и Яна» Здр. Манолова и Христо Манолова.

Идейные позиции авторов, за не-